

© Р. Дарнелл

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ И МЕТАФОРАХ НАУКИ

Выдвигая аргументы о частных традициях американской и французской антропологии в период их формирования, Эмманюэль Дево также поднимает чрезвычайно существенный вопрос о значении фактора национальной традиции для понимания антропологии как дисциплины (как в исторической перспективе, так и в ее сегодняшнем состоянии). Транснациональные дискуссии между антропологами разных теоретических убеждений часто выливались в ненамеренные и не осознаваемые недопонимания по причине существования разных изначальных предположений и постулатов о сущности и границах науки (во всяком случае, *общественной науки*) о человеке. Дево предлагает говорить о параллельном, но независимом изобретении антропологических традиций. Я согласна с тем, что национальные традиции конституируют критически важную переменную в той истории антропологии, которую мы желаем видеть написанной, однако в то же самое время я призываю внимательно смотреть на разнообразные перекрестные связи и фактор взаимного обогащения. Ни одна из основных "национальных" антропологических традиций не является полностью автономной. Более того, серьезно разбирать американскую и французскую традиции, не обращая внимания, по крайней мере, на британскую и немецкую традиции, представляется трудным.

Вообще антропологические традиции, взращенные на бывших колониях этих "антрополого-производящих" стран, и традиции индигенных народов, находящихся по ту сторону европейских национальных государств либо колониальных государств, навевают целый ряд вопросов, которые я здесь в большинстве обойду вниманием, хотя они и заслуживают рефлексивного историографического исследования. Национальная традиция по необходимости тесно связана с национальным характером и с более широким спектром взаимоотношений между национальными государствами. Мое собственное местоположение в Канаде навело меня на размышления о том, каким образом канадская антропология пересекается с элементами трех государствообразующих наций (британской, французской и индейской), а также с антропологией "монолитного" государства к югу от нас (с точки зрения канадцев, США действительно воспринимаются как "монолитное" образование). Результат этих размышлений – очень остро осознанное, хотя не обязательно уверенное, гибридное самопозиционирование, вероятно, намекающее на потенциальную открытость практике культурного перевода в разговоре между разными национальными традициями. Полагаю, что существует такого же рода специфический национальный контекст, с точки зрения которого можно говорить и о самобытности российской антропологии.

В качестве риторических полусов или зеркальных образов антропологии Дево избирает его собственную французскую традицию и американскую традицию, с которой его познакомила его научная карьера. Обе различаются *sensiblement*. Это, однако, не означает того, что две традиции можно абсолютно четко отделить друг от друга, и намекает лишь на контраст в сложившихся предпочтениях и ситуативных контекстах. Дево предполагает, что дисциплинарные связи в американской и французской антропологии развивались по-разному и что для большинства практикующих ученых сегодня корни этого развития находятся где-то на подсознательном уровне. Тем не менее он считает, что последствия этого продолжают быть ощутимы и по сей день.

Опять же хочу сказать, что я принимаю если не принцип абсолютной продолжительности, то принцип преемственности – с оговоркой, что во временной перспективе национальные традиции далеко не гомогенны. От Поля Брока до Клода Леви-Строса –

Регна Дарнелл (Darnell) – почетный профессор антропологии Университета западного Онтарио (Канада).

длинный путь, хотя оба они характерные французы в том, что исходят из существования некоего универсалистского общевидового сходства по ту сторону этнографического разнообразия, которое, соответственно, может быть даже и опущено как тривиальное. И действительно, междисциплинарное наследие рационализма эпохи Просвещения полностью согласуется с рамками биологизма (во всяком случае постольку, поскольку культура продолжает отождествляться с "этнографически разнообразным", а биология – с "универсальным"). Рамки биологизма предполагают и прослеживание эволюционной прогрессии к современной европейской цивилизации, причем здесь предметная область антропологии становится менее логичной в строгом смысле слова и более нацеленной на иллюстрирование основ общества самих исследователей. Я еще вернусь к вопросу о противоположности американского релятивизма, ассоциируемого с Боасом и, конечно же, не с Пауэллом.

В толковании Дево истоки американской антропологии предстают связанными с геологией – видимо, потому что геологом по образованию был Джон Уэсли Пауэлл, основавший Бюро американской этнологии в 1879 г. и считающийся первой ключевой "институциональной" фигурой в дисциплине. Пауэлл перешел от геологии к этнологии в результате проекта по картографированию так называемых аридных земель американского юго-запада, в ходе которого он пытался моделировать землепользование с точки зрения факторов культуры, технологии и окружающей среды. На его краткую полевую работу среди юте и шошонов – народов, продемонстрировавших способность эксплуатировать сложную окружающую среду с минимальными технологическими средствами – можно, в самом деле, смотреть как на опыт, параллель которому мы наблюдаем в "географическом" (по контрасту с "геологическим") переходе Франца Боаса с позиций детерминизма окружающей среды на позиции культурного многообразия уже в его работе среди эскимосов Баффиновой Земли. В выборе его следующего места полевой работы – северо-западного побережья американского континента – окружающая среда была вовсе устранена как фактор, и он обратился к исследованию феномена заимствования среди народов, чьи лингвистические и культурные различия продолжали стойко воспроизводиться несмотря на то, что люди находились в схожих условиях окружающей среды. Однако к этим взглядам Боас пришел по пути следования совсем другой – как антропологической, так и географической – традиции. Характеризующие Пауэлла навыки самоучки, обратившегося к изучению и описанию территории в период американской географической экспансии и начала оседания индейского населения в резервациях, резко контрастируют с немецкой университетской подготовкой Боаса в области физики и географии, предшествовавшей его приходу в этнологию, который принес с собой тот самый "ментализм" в конструировании культуры и окружающей среды, которого ранее не было в американской науке. Действительно, даже сами рассуждения о сущности науки тут были различными. Для Боаса область *Науки* охватывала как "материалистические" науки, так и историю/географию/космологию. Индуктивное и дедуктивное, сциентистское и интерпретативное ("точка зрения местного жителя") – все это было правомерным в тех или иных рамках. География остается важной в этой системе по большей части потому, что территория объединяет группы людей, чья культура кристаллизуется в мировоззрение. Причем *Weltanschauung* уходит корнями скорее в романтизм Гердера и Гумбольдта, чем в американскую политику "предначертания судьбы".

Другой источник внимания к геологии/географии/пространству в американской антропологической традиции связан с концепцией "четырёх областей", которую обычно приписывают Боасу, но которую, возможно, лучше было бы проследивать к современнику Пауэлла гарвардскому археологу Фредерику Уорду Патнему. Здесь материальная культура и распределение культурных черт, очевидно, исследуются способами, которых не было во французской традиции (хотя Дэниел Бринтон, третья по величине фигура в американской антропологии XIX в., был лингвистом и сторонником "интерпретативности" того самого идеалистического, пред-структуралистского толка, что весьма отличался от "мейнстрима", на котором делает акцент Дево).

Я не убеждена в том, что экологическая антропология Джулиана Стюарда, Лесли Уайта и марксистов-неоэволюционистов когда-либо являлась доминантой в американской традиции культурной антропологии, хотя добавить ярлык этого исследовательского направления к трудам Пауэлла и к некоторым из работ Боаса, действительно, несложно. "Коренные" боасовцы (к которым, по моему мнению, можно отнести Роберта Лоуи, Альфреда Крёбера, Эдварда Сепира, Александра Голденвейзера, Пола Радина, Рут Бенедикт и Маргарет Мид) все находились на "социальной", "культурной", "идеалистической" стороне в данном вопросе. Они желали описать культуры с точки зрения собственных категорий этих культур, прежде чем обращаться к частным историческим сравнениям.

Антропологическая работа Пауэлла, которая спонсировалась американским правительством, была по необходимости "прикладной". Но работа Боаса и его последователь сконцентрировалась в академических институциональных центрах, где "утилитарное знание" не было непосредственной или сиюминутной целью.

Дево придает слишком много значения различию между понятием "общество" во французской традиции и понятием "культура" в американской. Думаю, было бы полезным вспомнить, что и в британской социальной антропологии присутствует ударение на "обществе", перенятое от французской (дюркгеймианской) социологической традиции. Марсель Мосс, наипервейший этнограф среди дюркгеймианцев, активно возражал (особенно в его поздних работах) против любых указаний на "примитивные" общества, предпочитая смотреть на экспрессивную культуру (религию, искусство, язык, взаимность дарений), а не на экономику и технологию как на основу для сравнения обществ. В этом его воззрения сближаются с боасовской конструкцией "точки зрения местного жителя". (Позиция Леви-Строса, по моему мнению, ближе к дюркгеймовской, хотя Леви-Строс и разделяет с Боасом интерес к сравнению культур на уровне абстракции, не доступной самим членам изучаемой культуры.)

Как бы то ни было, боасовская концепция культуры в основном следует за определением культуры Э. Тайлора в Великобритании. Однако Боас далее развивает идею культуры как символической формы, являющейся психологически реальной для членов культуры. После того как в боасовской антропологии наметился сдвиг (после 1910 г., согласно Маргарет Мид) к тому, что стало называться исследованиями "культуры-и-личности", эстетическое понятие "культурной модели" Рут Бенедикт позволило производить сравнения культур как целостностей, практически не обращая внимания на их экологические основания.

Дево намекает мимоходом, что британская традиция завязана скорее на "праве", чем на "обществе" или "культуре". Это – любопытная и перспективная дорога к пониманию сосредоточенности британцев в середине XX в. на "негативной этнографии" (т.е. на исследованиях, в которых так называемые примитивные общества изучались скорее с точки зрения того, что в них отсутствует, чем с точки зрения позитивного осмысления их устройства; так, этнографическое изучение *бесклассовых* обществ Африки является весьма характерным примером наложения имперской ментальности на способ антропологической интерпретации). И все же акцент на "праве" скорее уходит корнями в немецкую среду (Бахофен и т.д.), чем является порождением британских островов или антропологии британской империи.

Дево уместно говорит о возникновении антропологических парадигм в вакууме, оставленном теологией в период роста науки по всей Европе. Исследования требовали каталогизирования всего – от черт геологического ландшафта до языков и культур. Геология и биология, несомненно, были первыми кандидатами в поставщики классификационных категорий в ранних этнографических опытах. Действительно, эволюционизм Дарвина, выстроенный на статичных таксономиях, простирающихся от Бюффона до Линнея, непосредственно опирался на уже существующую униформистскую геологию Чарльза Лайеля. Полагалось, что процессы, наблюдаемые в настоящем, имели место также и в прошлом. Археологическая стратиграфия и культур-

ная эволюция следовали параллельной логике и опирались на одинаковые аналогии, адаптированные к кругу того, что сегодня является разными дисциплинами.

Думаю, что аргументы Дево о неупорядоченности и отказе индейцам в праве на происхождение, проистекающих из мессианских настроений американцев, нуждаются в переформулировании. Конечно же, бесписьменная история индейцев отрицалась, особенно при попытках экспроприировать их земли и ассимилировать их культуры. Но мне представляется неубедительным мнение, что, в той мере, в какой антропологический подход Пауэлла к проблеме был эволюционистским, он опирался на геологические метафоры. Дево видит процесс классификации языков американских индейцев как хаотические попытки справиться с их многообразием. При этом указывается на стремление Пауэлла внести административную и политическую ясность, но упускается из виду та гомогенность, которая постулировалась в европейской "полисинтетической" гипотезе Дюпонсо (опирающейся преимущественно на германские идеи). В этом варианте европейской лингвистики европейские языки представляли менее гомогенными, чем разнообразные языки Америки. Вопрос о современности или сопоставимости статуса, как мне кажется, не появляется ни во французских, ни в американских описаниях "примитивного", по крайней мере, вплоть до этнографических опытов Боаса и Мосса.

Эволюционистская антропология Льюиса Генри Моргана гораздо более сконцентрирована в биологическом, чем в геологическом русле, и все же она принимается геологом Пауэллом в качестве теоретического основания для Бюро американской этнологии. Но Дево верно замечает, что эволюционистский редукционизм оказался не в состоянии справиться с культурным и лингвистическим многообразием Северной Америки.

Дево не говорит открыто о той степени, в которой его "зеркальный контраст" следует считать метафорой. Возможно, рассуждения о параллели между геологической эрозией и аккультурацией, о культуре как минеральном образовании и об обществе как о теле в чем-то небесполезны как метафоры. Но они не являются метафорами, используемыми самими сторонами, которые противопоставляются в статье. Поэтому я считаю, что в деле понимания возникновения указанных национальных традиций они имеют ограниченную пользу. Более интересными представляются рассуждения Дево о связи универсалистских концепций с идеей Просвещения во французской традиции. Хотя для меня занятна также и параллель геологии/метафоры и биологии/метонимии. Несомненно, как национальные традиции, так и отдельные антропологи стремились к поиску синтеза и возможности взаимного обогащения, что, собственно говоря, и хочет показать Дево в конце концов.

Конечно, я могу сказать гораздо менее о французской традиции, так как связана с ней не так непосредственно и по своей институциональной принадлежности, и по роду тематики моих историографических исследований. Мне было бы интересно поразмыслить больше о тех теоретических нововведениях, которые русские формалисты, и в частности Пропп, принесли во французскую антропологию, – в особенности о том, действительно ли они могли послужить своего рода "коррективой" биологическому редукционизму. Вообще-то истоки, берущиеся в эволюционной теории, слишком легко свести к расизму и дискриминации.

Что касается современной американской антропологии, Дево прочитывает то, что я называю "американистской текстуальной традицией" как интерпретативную задачу поиска бесконечного регресса и, таким образом, как интерпретативный нигилизм (я, конечно, несколько сгущаю краски). Я бы не стала отождествлять интерпретативную программу Гирца ни с постмодернизмом, ни с активной политической позицией многих американских антропологов, которая неизбежно накладывает свои рамки на этнографический проект. Но, в любом случае, обе эти тенденции отстоят чрезвычайно далеко от какой бы то ни было дисциплинарной почвы геологизма.

Пер. с англ. А.Л. Елфимова